
Е.Н. Мотовникова

**ОДИНОЧЕСТВО МЫСЛИТЕЛЯ:
КЛАССИКА ИЛИ МАРГИНАЛИЯ?
(СЛУЧАЙ Н.Н. СТРАХОВА)**

Аннотация. В статье анализируется проблема одиночества как феномена интеллектуальной культуры в России 60–90-х годов XIX в., его предпосылки и проявление в судьбе писателя-философа Н.Н. Страхова. На материале эпистолярного наследия мыслителя (прежде всего его переписки с Л.Н. Толстым и В.В. Розановым) исследуются формы осознания и разрешения проблемы одиночества как поиска выхода к собеседнику, читателю, ученику.

Ключевые слова: мышление, одиночество, учительство, диалог.

Annotation. The author of the article analyzes the problem of loneliness as a phenomenon of intellectual culture in Russia of 60–90 years of XIX century, its background presuppositions and manifestation in the fate of the writer and philosopher N.N. Strakhov. The forms of understanding and solving the problem of loneliness as finding ‘interlocutor’, ‘reader’ or ‘student’ are especially studied in his correspondence with Leo Tolstoy and Basil Rozanov.

Keywords: thinking, loneliness, teaching, dialogue.

*Я жизни чувствую обиды и позор,
Но в мыслях это всё приличный вид приемлет
И сердца не мутит. И самый сердца крик
Благопристойно тих и важен, как старик,
Речам которого покорно юность внемлет.*

П.А. Кусков. Уединение¹

Одиночество бывает разным и в неоднородных сферах жизни человека может сказываться по-разному. Одиноким философ, роденовский мыслитель, склонившийся над рукописью, – образ скорее банальный, чем странный. Но если мы встречаем писателя, известного своим активным участием в социальных полемиках, философа, имеющего репутацию «вечного педагога»? Каковы характер и необходимость этого одиночества?

Николай Николаевич Страхов учился в столичных университетах и поддерживал отношения с однокашниками; преподавал восемь лет в гимназии и выслужил чин действительного статского советника и пенсию в Императорской публичной библиотеке и Ученом комитете Министерства народного просвещения; был постоянным автором и литературным сотрудником в нескольких журнальных редакциях Петербурга и Москвы; посещал музыкальные и художественные мероприятия, публичные лекции, «вторники Милюкова», «пятницы Полонского», принимал гостей на собственных «средах»; ездил за границу, неделями и месяцами гостил у родственников и друзей, вел обширную переписку... Скорее можно говорить о слишком широком круге интенсивного общения, в который был включен этот энциклопедист-книголюб – не зря Страхов признавался в письме, извиняясь за редкие и короткие ответы на пространные послания своего молодого адресата: «...Писать легко и быстро я не умею; продолжаю еще читать, т.е. учиться, и замышляю еще писать, т.е. обдумываю. Все это вместе так меня поглощает, что, несмотря на полное мое невежество в отношении к знакомым (я не плачу им визитов и ко многим вовсе не показываюсь), времени у меня нет»². Проблема эта хорошо знакома всем пишущим, истоки ее объективны и неустранимы, поэтому Страхов пользовался здесь одной меркой в отношении себя и, например, своего великого друга, Л.Н. Толстого: «Л.Н. всегда бывает так поглощен своими мыслями, что все остальное кажется ему прах и суета. Он знает этот свой недостаток и сдерживает себя в отрицании. Но подумайте, какое великое достоинство эта нераздельная преданность одной мысли, одному чувству»³. Сосредоточенность необходима безусловно, но тем не менее Страхов извинялся и за себя, и за Толстого и говорил о поглощенности собой именно как о недостатке, потому что здесь речь идет об отношениях уже не просто с кругом людей знакомых, социальных «ближ-

них», но о самых близких, интимных привязанностях, отдаление от которых влечет личностно опасное интимное, эмоциональное одиночество.

Сам Н.Н. Страхов был человеком отзывчивым, чутким и чувствительным, о чем мы знаем из его опубликованной переписки, и более всего – из переписки с Толстым. Особенно важны здесь бывшие не известными в 1914 г. и отсутствующие в издании под редакцией Модзалевского письма, впервые опубликованные в Полном собрании переписки Толстого и Страхова (2003)⁴. Письма эти, написанные в последние годы жизни, беспрецедентны для Н.Н. Страхова по откровенности и отвечают на многие вопросы и недоумения, порожденные пресловутой страховской «пленкой благоразумия» (В.В. Розанов). В письме 20 сентября 1891 г. Розанов писал: «Много бы дал, чтобы увидеть Вас, поговорить даже без определенной цели – de omni re scribili [об всем, что можно знать], – но подумаю, подумаю и успокоюсь на мысли, что Вы ведь так ко мне выразились в своих письмах. А все-таки как человек и ум Вы как будто много недоговорили, много мыслей оставили про себя»⁵. Очень о многом из «внутренней жизни» своего учителя Василий Васильевич догадывался, но так и не получил прямых откровенных признаний, в отличие от Толстого – ровесника и друга Страхова на протяжении четверти века. «Предполагаю, что “пленка благоразумия”, в которой Вы меня упрекаете в “Русск. Вестн.”, есть опечатка, хотя и не мешающая понять Ваш упрек»⁶, и в следующем письме прибавил: «Все-таки за указание моих недостатков я Вам благодарен – Вы правы, хотя я смотрю на дело несколько иначе»,⁷ – вот и всё, что ответил Страхов Розанову, а потому последний не имел возможности подкреплять свои интуиции насчет учителя документами искренности. Настоящий ответ полутора месяцами раньше получил Л.Н. Толстой – и мы можем понять по этому единственному письму, как именно иначе смотрел Страхов на вопрос о полноте высказывания себя «как человека и ума».

«В первый же день, когда я вернулся домой, я прочитал в *Р[усском] Вестнике* за август статью Розанова об *Мире как целом*⁸ и очень удивился, что встретил там как будто продолжение Ваших речей, бесценный Лев Николаевич. В конце статьи он укоряет меня в том, что я “не договариваю своих мыслей до конца”, что у меня “нежелание обнаружить самые заветные из своих убеждений

перед толпою”. Затем он утверждает, что “быть непременно только разумным, быть всегда правильным, размеренно добродетельным – вовсе не есть для человека наилучшее”. (Очень дико выражено!) И заканчивает так: “У г. Страхова есть, по-видимому, некоторое недоверие к своим читателям, и, желая влиять на них, говоря все, что могло бы наилучше образовать их ум и сердце, он не говорит еще самого интересного, что они могли бы узнать от него. То, что вызывалось в давние годы необходимостью, потом стало уже привычкой. Но для читателя сочинений его, для понимающего их смысл и значительность, всегда останется печальным, что между ним и множеством людей никогда не будет совершенно отброшена разделяющая завеса, что некоторая пленка (!) благоразумия всегда будет удерживать и его и других на почтительном расстоянии от того, к кому они и могли бы, и хотели бы быть гораздо ближе”.

Не правда ли, что это сходится с Вашим советом – рассказывать себя, выйти перед читателем без мундира и без орденов?

Пленка благоразумия, я думаю, опечатка, но мысль совершенно понятна. Об Вашем совете я прилежно думал и наконец сказал себе: Как странно! Они хотят, чтобы я перестал быть самим собою! Ведь моя объективность и есть выражение моего ума, моей природы. Я не могу говорить о своих личных делах и вкусах; мне это стыдно, стыдно заниматься собою и занимать других своею личностью⁹. Мне кажется всегда, что это не может быть для других занимательно, и потому я берусь за их дела, за их интересы, или рассуждаю об общих, объективных вопросах. Или еще иначе: у меня есть действительное расположение к скромности; я не считаю себя, как Руссо или Достоевский, образцами людей – напротив, я очень ясно вижу свою слабость и скудость, и потому высоко ценю всякую силу и способность других, а главное – ищу всегда общей мерки чувств и мыслей, а не увлекаюсь своими мгновенными расположениями, не считаю своих мнений и волнений за норму, за пример и закон.

Теперь возьмите все это вместе; мою стыдливость, деликатность, скромность – ведь это моя душа, положительная сторона моего существа, которую я сам ценю и всячески стараюсь поддерживать. Если она выразилась в моих писаниях, то тем лучше – у

меня, значит, есть настоящее своеобразие, определенная физиономия и я готов радоваться упрекам Розанова.

Но возьмем дело с другой стороны. С этими качествами связана скрытность, гордость, сухость, недоверие, отсутствие живых отношений к людям. Это оборотная сторона моей души и Вы знаете, как она связывается с лицевой стороною. Что же мне делать? Я подавляю эти недостатки сколько могу, стараюсь дать им наилучший смысл, обратить в соответствующие им достоинства. Кроме того, всегда я жажду любви, доверия, нежности, но мое самолюбие и гордость меня коробят и отталкивают¹⁰.

Самое интересное и важное в моей личной жизни есть, конечно, мои пороки и проступки, и то, как я с ними боролся и борюсь. С 1868 года я не знаю женщин и перестал пьянствовать, следовательно, началась для меня не жизнь, а житие, как выражался Писемский. Я пришел тогда в страшное состояние, боялся сойти с ума, и потому бросил все свое распутство и решил оттерпеться, чтобы спасти свой ум. Было трудно, но я уперся и после многих лет почувствовал, что оправляюсь. Эта история моего самосохранения, пожалуй, поучительна. Наши желания и наши чувства от нас не зависят; но не делать того, к чему побуждают нас наши чувства и желания, мы всегда можем. Нужно бы написать об этом, но, если успею, то все-таки напишу вообще, а не стану рассказывать своих опытов... Рассказывать эту постоянную борьбу, иногда очень горькую и противную, я считаю вовсе не нужным, не нахожу ее для самого себя занимательною. Зачем копать в собственных извержениях?.. Все-таки лучше прятаться, когда у нас случается понос и рвота. Истинная наша жизнь совершается, когда мы вполне крепки и здоровы душою, и у меня бывают дни и часы такого здоровья. У других и вся жизнь чистая, здоровая: таков был Н.Я. Данилевский.

Вот мое объяснение, бесценный Лев Николаевич, самое искреннее. Вы желаете, чтобы я снял мундир и ордена; но этот мундир есть моя собственная кожа и я выскочить из нее не могу. Разве я не правдивый и добросовестный писатель? Когда пишу и не нахожу надлежащего слова или не вижу правильного развития мысли, я просто не могу писать, останавливаюсь. Поэтому я очень редко переправляю, и целые страницы пишу медленно, но без всяких помарок.

О, Боже мой! Все ведь можно преувеличивать, и свои достоинства, и свои недостатки, и свое самодовольство, и свое раскаяние, и радость и муки. Я боюсь этой фальши. Я слишком раздражителен и впечатлителен, и потому ищущу всегда покоя и равновесия. Я пропитан скептицизмом, и потому крепко держусь за ясные, твердые истины. А что я не высказываюсь до конца, то ведь потому, что это гораздо труднее, чем полагают те, кто этого требует. Есть знаменитый пример – Платон; его разговоры не имеют окончательных выводов. Главное дело в том, чтобы рассуждать, мыслить; а поприще мысли мне всегда казалось безбрежным океаном.

Но довольно, довольно! простите меня и скажите мне хоть несколько слов в ответ на эти признания. Нужно быть самим собою – этого правила я всегда держался; но Вы – сердцевед и можете указать мне, где я прикидываюсь и ломаюсь»¹¹.

Чтобы закончить о «самом интересном», приведем еще ответ Н.Н. Страхова на вопрос о причинах его холостяцкой жизни в «келье монастырского библиотекаря» (Никольский): «Я не женился и не собирался жениться только потому, что дело мне казалось сложным, трудным, ответственным. Я всегда очень боялся вмешательства в чужую жизнь со своей стороны, и старался не брать на себя никаких обязательств, пугаясь того, что не могу выполнить их как следует. Боже мой! Какая уродливость, какая безжизненность! Вероятно, отец родил меня в минуту несчастного раздумья. Все мне представляется в отвлеченном виде, и потому сложным и трудным; чувство никогда не бывает настолько живо, чтобы увлечь меня и порвать сеть мыслей»¹². Подводя итоги жизни в свой последний год, Страхов многое высказал о себе честно и мужественно, в стиле объективирующих констатаций, как будто речь шла не о самом себе, но с живым сожалением о том, чего уже нельзя изменить.

Страхов прежде всего мыслитель, исповедующий аскетизм бытовой и душевный ради полноты и свободы творческой умственной жизни. «Главное дело в том, чтобы рассуждать, мыслить», иметь время и силы для того, чтобы плыть – не барахтаться – в безбрежном океане мысли, от острова к острову, рассудительно, серьезно участвовать в вечном разговоре с бессмертными произведениями и их авторами. «...Сижу дома, один среди своих книг – свидетелей не исполненных замыслов и любознательности, пре-

вышающей меру моих сил. Не могу сказать, однако, чтобы дурно себя чувствовал»¹³, – пишет Страхов во время продолжительной болезни. Но мысль, выраженная в слове, сама по себе не одинока – она пришла в связи с чьим-то высказыванием, обдумывается в определенном речевом контексте, «сфере разговора», и рано или поздно должна быть представлена кому-то для понимания, принятия или оспаривания.

Одна из наиболее заметных особенностей страховского письма – «необыкновенный дар цитат»¹⁴. Это не просто случайная особенность авторской индивидуальности, не следствие хорошей памяти или эстетического азарта коллекционера удачных формулировок. Страхов был чрезвычайно чувствителен ко всяческой «воздушности», неопределенности, нетвердости понятий и рассуждений, и, задавая всегда самые высокие планки требований к своим текстам, нашел надежный способ использовать укорененность мысли в языке для «заземления» смелых теоретических соображений. «Когда-то меня мучило это легкое движение мыслей, – рассказывал он Розанову, видя в его работах тот же порок, – и я отделался от него тем, что стал искать опоры в известных и неизвестных писателях. Мысль знаменитого философа, или та, которая уже напечатана где-нибудь в газете, составляет уже факт, не может уже подвергнуться умолчанию, уничтожению, а подлежит обсуждению. Вот почему я так люблю ссылаться на всякие книги, и говорить не от себя, а чужими словами, сопоставляя и толкуя места какого-нибудь автора. Тогда я чувствую себя на твердой почве»¹⁵. В.В. Розанов в ответ предложил другую интерпретацию страховской «манеры говорить свои мысли чужими словами» – он увидел в этом не заботу мыслителя об устойчивости выражения мысли самой по себе, а заботу учителя-книжника о пользе для читателя, о том, «что думают и чувствуют люди и как они (в литературе) учат: “Вот это так и следует, это чрезвычайно хорошо, а вот это – совсем глупость, и злая глупость”», – слышится мне за всеми Вашими ссылками; это происходит из Вашего страстного желания, чтобы учили так, а не иначе; Вы стоите за толпой писателей и одному подставляете ко рту трубу, а другому закрываете рот и смотрите: “Ну что из этого выйдет, каков будет тот, кто слушает эту многоречивую толпу”. И я думаю, что это так, по крайней мере частью»¹⁶.

Весьма поучительна и примечательна в этом смысле история того, как Н.Н. Страхов читал и обсуждал со своими корреспондентами книгу П.А. Бакунина «Основы веры и знания» (1886). 18 мая 1888 г. Страхов сообщает Розанову о своей единственной встрече с автором книги, написанной «в хорошем и истинно философском духе»¹⁷: «Он мне сказал, что его книга дурно написана (что совершенно справедливо), что он *сам иногда не может добраться, какая мысль* внушила ему слова и фразы, напечатанные в его книге». «Я себя испортил, – говорит он, – я писал для себя и позволял себе самые странные выражения своих мыслей»¹⁸. Сам Страхов всегда первоначально писал философские тексты в формате журнальной статьи и имел возможность очень быстро получить отклики своих постоянных читателей, показывавшие ему, где он допустил неясность, неточность, а где, наоборот, он заслужил «такую награду, что выше и быть не может»¹⁹ – благодарность Л.Н. Толстого: «Ваши книги и мысли, выраженные в них, много мне помогли в уяснении тех вопросов, к[оторыми] я занят теперь. Надеюсь, что я их не извергаю сырыми, а ассимилировал, и что вы мне скажете: на здоровье»²⁰.

Писатель не может быть, строго говоря, «одиноким», он всегда в разговоре, всегда социален. Вопрос следует уточнить: кто из окружения Н.Н. Страхова и в какой степени был ему близок как мыслителю? Такой подход отражен и в биографическом очерке одного из глубоких почитателей Страхова, Б.В. Никольского: «Личные отношения никогда не играли никакой роли в его суждениях, а скорее, наоборот, его умственные симпатии и антипатии обуславливали его личные отношения»²¹. Если с Д.И. Стахеевым Страхов не был близок интеллектуально, то и прожив в одной квартире 20 лет, они остались добрыми соседями, не более. Об оригинальном Ап.А. Григорьеве Никольский делает вывод, что «здесь была просто встреча на одинаковых выводах совершенно разнородных умов, шедших каждый своею дорогою...»²² А вот степень духовного и умственного родства с Н.Я. Данилевским была у Страхова такой, что он записал в «биографических сведениях»: «В 1885 г. умер Н.Я. Данилевский, и я стал собираться умирать»²³. Верность Страхова памяти Данилевского хрестоматийна: «Вот больше года я все работаю для памяти Н.Я. Данилевского; она мне очень дорога, но часто я и скучал над работою. Вопрос

конечно важный и его непременно нужно поставить как следует. Но тут нет пищи для души, нет интересного для меня даже как натуралиста... Но память о нем согревает меня... не могу читать его книгу, не восхищаясь его ясным умом»²⁴. Страхов был верен в дружбе тем, кто успевал покорить его талантом и серьезностью, очень был огорчен, когда «так походивший на нового гения»²⁵ Вл. Соловьёв оказался отвлеченно-религиозным и пустым писателем. Сам же Н.Н. Страхов в конце жизни снискал уважение и авторитет у консервативной молодежи розановского круга, возродившей в нем надежды на новые стадии развития славянофильской философии и литературы. «Милые люди! – писал Страхов Розанову из Эмса летом 1893 г. – Удивительно приятно мне это расширение моих литературных знакомств. Нужно поддерживать друг друга и мыслью, и словом, и делом. Какие мечтания!..»²⁶ И об этой же «колонии славянофилов» с радостью сообщал Толстому: «Какие умные, чистосердечные и скромные люди!.. Мне придется, кажется, больше всего внушать им всякое вольнодумство: они почти все с таким жаром отдаются консерватизму, с каким когда-то нигилисты бросались в нигилизм. Во всяком случае кружок мой заметно изменился и оживился»²⁷.

Парадокс страховского интеллектуального одиночества в том, что, как отмечает В.А. Фатеев, он не встретил настоящего понимания и поддержки среди тех, кто, казалось бы, должен был составить круг близких «своих». «Те люди, которые в свое время были рядом со Страховым – Достоевский, Константин Леонтьев, Владимир Соловьёв и другие философы идеалистического направления, – они-то казалось, были должны поддерживать, понимать друг друга. Может быть, в какой-то степени они друг друга и понимали. Но поддержки там никакой не могло быть – слишком они были разными»²⁸. Причины, которыми В.А. Фатеев пытается объяснить «забвение Страхова» – суховатость, сдержанность, порой «суконность» языка, а главный недостаток – «общая расплывчатость идей, отсутствие какого-то единого стрежня»²⁹. Причины эти неубедительны и недостаточны: стиль страховского письма – тема особая, но простота и сдержанность этому стилю не противоречат и не разрушают его, скорее, наоборот, создают; «расплывчатостью» же страховских идей часто называли и называют его недоговоренность, неокончателность выводов, объяснение которым

уже приведено в письме выше – самые важные, трудные вопросы (а банальностями Страхов не занимался) просто не имеют окончательных однозначных ответов, и Страхов не считал нужным в таких случаях формулировать искусственно некий сомнительный промежуточный результат или присоединяться к одной из конкурирующих точек зрения. «За ним “никто не шел”, да и трудно было за ним идти, ибо он сам никуда не шел. Что же он делал?! Он стоял около “вечных истин”, немногих в религии, немногих в философии, немногих в искусстве, даже в публицистике – немногих, не у него (Страхова) – немногих, а в деле самом – немногих; и не отходил отсюда, и умолял других не отходить»³⁰. По большому счету именно адекватного читателя, собеседника и оппонента не хватало Страхову, не случайно он писал И.С. Аксакову о редкости встречи понимающего собеседника³¹. Он был очень одинок в своей мыслительной работе. Политические «говорунуны возненавидели мыслителя»³². Достоевский и Толстой творили свое, по мере собственного интереса обращаясь к Страхову; Соловьёв превратил серьезный разговор в шум и публичную полемику ради победы, прибегнув к откровенно нечестным, несерьезным приемам и уловкам (для себя Соловьёв создал круг учеников и почитателей из более молодых). П.Е. Астафьев был решительным противником Толстого и потому отдалялся от Страхова, несмотря на общую борьбу против Вл. Соловьёва, и общую любовь к А. Майкову, и общность в психологических взглядах. Они были слишком близки по возрасту, и между ними было невозможно отношение авторитетного «старшего» с внимательно прислушивающимся «младшим», в лучшем случае должен был происходить диалог равных, но равняться со Страховым не хотели, кто из ревности, кто из невозможности принятия его «учительского» тона... Во всяком случае, в этом поколении писателей заметно явное отсутствие предпосылок открытости, доверия; так же точно и сам Страхов был несправедливо закрыт для многих своих ровесников-современников и не хотел присоединяться по убеждениям ни к какому «направлению» после распада своей компании «почвенников». Н.Я. Данилевский был так любим Страховым, наверное, именно за то, что был настоящий равный, прямой и открытый, диалогический «другой», счастливейший собеседник, но он рано умер. К.Н. Леонтьев – эстет-аристократ, резкий и недоверчивый, психологически не потер-

пел страховской осторожности («хитрости» или «фальши», как он это называл)... Все равные Страхову по силе ума уходили в сторону «на самом интересном месте» разговора. А в одиночку к истине брести очень сложно, трудно быть и проponentом, и оппонентом в равной степени, не производя впечатления лукавой изворотливости и отсутствия твердой позиции.

Глубокий, трезвый и скептический рационализм Страхова обрекал его на одиночество именно в качестве мыслителя. «Отчужденность теоретического ума», «глубокое внутреннее одиночество, способность ко всякому предмету или явлению, к лицу, народу или истории, становится лишь в отношении наблюдателя или мыслителя – есть невольное последствие этого проступка против собственной души, есть неизбежная кара за нарушение гармонии в ее развитии»³³. Настоящий великий философ не может избежать этого страдания отъединенности от мира живого, подвижного, единичного противоположно направленным устремлением в глубины самосознания, развитием внутренней жизни в ущерб внешним отношениям. «Русская национальная философия возникла и вызрела – как все творческое, все великое – в глубочайшем уединении человеческого духа, проникала в самую тайну этого уединения»³⁴. «Логика такого служения – трагична»³⁵, но без жертвы нет ни служения, ни любви. Преодоление трагизма одиночества совершается любовью – во времени. «...Любовь означает страстное стремление выйти из своей самостоятельности и уплату некоторой цены за это освобождение из тюрьмы нашего времени, поскольку мы признаем свою солидарность с теми, кто добавляет нам недостающие времена. Следовательно, всякое настоящее является пересечением, по крайней мере, двух отдельно взятых времен, превращающим их в некоторое совместное время, которое можно выразить словом... Благодаря любви те, кто разделен во времени, становятся друг для друга настоящим»³⁶. «Любовь создает настоящее, включающее в себя обоих – и учителя, и ученика»³⁷. Эта спасительная любовь пришла к Н.Н. Страхову в лице его ученика В.В. Розанова.

В кругу современников, сложившихся личностей, нелегко определившихся каждый в своей «самости», дорожащих своей самостоятельностью и независимостью, легче всего найти оппонентов. Авторитетное же обращение возможно к юношам, к более мо-

лодому, к «будущему», кто может восхититься без ущерба для самолюбия, оценить и принять опыт старшего как более весомый, чем свои молодые фантазии, воспринять этот опыт, понятный по сходству мироощущения, важный и нужный для развития личности – развития идей учителя и своих собственных, уходящих вперед, не конкурирующих с учительскими, короче говоря, обращение учителя к ученику. Розанов смог угадать и значение времени, и значение ученичества в своих отношениях со Страховым, многолетнее уединение которого было так щедро вознаграждено под старость. Уже в самом первом письме к Страхову он писал: «Ваша нравственная личность стала несказанно дорога для меня, и то, что Вы, столь любящий науку, столь тревожащийся за наш народ и за текущую действительность, все еще остаетесь одиноким в нашей литературе (*vox clamantis in deserto*), внушало мне какое-то смешанное чувство любви и жалости к Вам... Вы столько любили и любите, а Вам отвечают равнодушием. И вот мне хотелось сказать Вам, что не так одиноки Вы, как можете думать, и что никакая любовь не проходит и *здесь*, на земле, напрасно... Вы просто не вовремя родились, вы по рождению человек 60-х годов, а по духу 80–90–100-х³⁸... Я хотел сказать Вам, что все Ваши мысли считаю истинными, Ваше душевное настроение есть и мое душевное настроение, Ваше отношение к окружающей жизни, к нашей науке и литературе мне дорого и близко, разница между нами та, что Вы уже на краю могилы, а я еще молод... Простите за нескромность. Но ведь я Вам пишу как человеку, с которым я сошелся мыслью и чувством и который мне дороже и ближе, чем физически близкие люди. Мысль, что я Ваш ученик, никогда не оставит меня...»³⁹

Читая переписку учителя и ученика, Н.Н. Стрехова и В.В. Розанова, нельзя не заметить постоянной взаимной критики, порой размолвок и обид, недоразумений и недопонимания, в том числе и в позднейших (1913 года) комментариях В.В. Розанова к письмам Н.Н. Стрехова – «всё как у людей» – но *целое* этой дружбы впечатляет, между прочим, крайней серьезностью и значительностью того главного, что объединило, по-видимому, несхожих во всем писателей. Мне видится главным пунктом схождения Стрехова и Розанова в понимании жизни их конгениальный взгляд на просвещение, на задачи и смысл педагогики национальной школы, на развитие личности ученика и народного сознания. «В формуле

“БУДЕМ САМИ СОБОЙ” (в параллель древнему “познай самого себя”) – формула всего славянофильства, формула всего нашего исторического утверждения как идеала в будущем и отрицания как осуждения в прошедшем и настоящем. Это простой и дивный завет...»⁴⁰ – писал Розанов Страхову под впечатлением от прочтения его статьи «Наша культура и всемирное единство». Постоянная работа над собой, выработка настоящей культуры мышления, исследования, поиск и защита вечных истин и органическое развитие собственных задатков и талантов – вот чему учился сам и готов был передать следующим поколениям ученик Н.Н. Страхова. «Но только стойте крепко на своих ногах, а не то все будет ни к чему»⁴¹. Как видим, в этом уроке отсутствует робость или угроза одиночества, не звучит никакого призыва под «знамена» или указания «направления» движения. У каждого есть только свой, единственный и одинокий путь к истине. Как бы и нам научиться держаться культурной (не дикой) самобытности в понятиях и в мышлении, как передать молодым серьезность и устойчивость перед соблазнами века, в электронно-информационном сумбуре пустых фраз? «Читайте Страхова!» (В.В. Розанов). «Читайте Розанова!» (М.М. Бахтин).

Примечания

¹ Кусков П.А. Стихотворения. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/k/kuskow_p_a/text_0030.shtml

² Письмо Н.Н. Страхова В.В. Розанову от 30 января 1891 г. // *Розанов В.В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев* / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. – М.: Республика, 2001. – С. 76–77. Комментарий В.В. Розанова к этому письму от 1913 г.: «Вообще человек с *сосредоточенною деятельностью*, или с каким-нибудь “удавшимся” призванием, идущим *на общую пользу*, и должен быть эгоистом. Это эгоизм не к “я”, а к “нужно всем”. Поэтому, кроме интимного и прекрасного, *чем питается душа*, чем “сам живу”, все должно и вправе быть оставлено...» (Курсив автора. – *Е.М.*) – Там же. – С. 77. Ср.: «Как-то раз беседуя с ним, пишущий эти строки жаловался Страхову, что необходимость заставляет писать и тратить время, которое так хотелось бы посвящать на то, чтобы самому учиться, самому восполнять свое образование,

себе самому выяснять свои внутренние вопросы, на то, чтобы возвещать с крыш и минаретов о том, что для себя самого и решено и ясно. В возникшем по этому поводу разговоре Страхов между прочим с улыбкой заметил, что ведь “в этом, если хотите, и вся трагедия всей моей жизни”». – *Никольский Б.В.* Н.Н. Страхов, критико-биографический очерк. – СПб., 1896. – С. 40.

³ Письмо Н.Н. Страхова В.В. Розанову от 26 августа 1890 г. // *Розанов В.В.* Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев. Там же. – С. 63.

⁴ См.: Л.Н.Толстой – Н.Н. Страхов: полное собрание переписки: В 2 т. / Сост.: Л.Д. Громова, Т.Г. Никифорова; Ред. А.А. Донсков. – М.: Государственный музей Л.Н.Толстого; Ottawa, 2003. – Т. 1. – 488 с.; Т. 2. – 1080 с.

⁵ *Розанов В.В.* Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев // Там же. – С. 276.

⁶ Розанову 7 октября 1892 г. // *Розанов В.В.* Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев. Там же. – С. 110.

⁷ Розанову 25 октября 1892 г. // Там же. – С. 112. Б.В. Никольский незадолго до смерти уговорил Н.Н. Страхова написать автобиографические заметки, которые бы дополняли сведения, содержащиеся в «Воспоминаниях о Федоре Михайловиче Достоевском», к которым Страхов обычно отсылал, когда его просили рассказать о себе. Заметки, конечно, вышли очень сдержанными и скрытными: «Внутренняя моя жизнь, т.е. мои грехи, покаяния, радости и горести, всегда казалась мне очень трудным предметом (каким тоном ее писать?) и едва ли стоящим того труда, который нужно бы на нее положить». *Никольский Б.В.* Н.Н. Страхов, критико-биографический очерк. – С. 49.

⁸ *Розанов В.В.* Идея рационального естествознания // Литературные изгнанники. – СПб., 1913. – Т. 1. – С. 65–106.

⁹ «Есть великий недостаток во всяком виде общественности, где люди являются более “прибранными”, нежели как бывают обыкновенно, но и вместе – неизмеримо более чуждыми друг другу, чем как могли бы стать, чем есть на самом деле». *Розанов В.В.* Идея рационального естествознания // Там же. – С. 105.

¹⁰ В обобщенном виде Страхов высказал эту свою точку зрения публично в «Воспоминаниях о Федоре Михайловиче Достоевском», с которым продолжал сотрудничать и встречаться, когда близость и взаимное доверие уже были утрачены. «Близость между людьми вообще зависит от их натуры и при самых благоприятных условиях не переходит известной меры. Каждый из нас как будто проводит вокруг себя черту, за которую никого

не допускает, или – лучше – не может никого допустить». См.: Страхов Н.Н. Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/d/dostoewskij_f_m/text_0580.shtml

¹¹ Страхов – Толстому 24 августа 1892 г. // Л.Н. Толстой – Н.Н. Страхов: полн. собр. переписки. – Т. 2. – С. 909–912. Письмо приводится с незначительными сокращениями, поскольку является важным для развенчания исторических слухов и сплетен о якобы «фальшивой», «клеветнической» натуре Н.Н. Страхова (см., напр., статью о нем в Википедии, обновленную 23 июля 2011 г.).

¹² Страхов – Толстому 2 мая 1895 г. // Л.Н. Толстой – Н.Н. Страхов: полн. собр. переписки. – Т. 2. – С. 994. Страхов очень любил семейную жизнь своих друзей и знакомых, интересовался отношениями, событиями, рассказывал и расспрашивал в письмах. Очень трогательно его письмо Толстому из Киева, последней прощальной поездки к родне: «...Белгород меня порадовал. Племянница, очень некрасивая, но большая умница и благородная душа, вышла замуж за очень красивого, умного и доброго человека, которого я просто полюбил за эти два дня. Случилось так, что как раз за час перед моим отъездом у них родился сын... Все это так волновало меня и так обрадовал благополучный конец, что сказать не могу. Это их второй ребенок и будет называться Николай Николаич... Дети – большое счастье... Смерть уже подходит близко, и потому невольно я вглядываюсь в новую жизнь, которая пробивается со всех сторон». Страхов – Толстому 22 августа 1895 г. // Л.Н. Толстой – Н.Н. Страхов: полн. собр. переписки. – Т. 2. – С. 1013–1014.

¹³ Розанову 22 января 1893 г. // *Розанов В.В.* Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев / Под общ. ред. А.Н. Николокина. – М.: Республика, 2001. – С. 116.

¹⁴ Розанов – Страхову 4 февраля 1891 г. // Там же. – С. 252.

¹⁵ Страхов – Розанову 29 апреля 1888 г. // Там же. – С. 12.

¹⁶ Розанов – Страхову 25 ноября 1888 г. // Там же. – С. 184–185. (Курсив автора.)

¹⁷ Страхов – Розанову 27 января 1888 г. // Там же. – С. 8.

¹⁸ Там же. – С. 14. (Курсив мой. – *Е.М.*)

¹⁹ Страхов – Толстому 4 июня 1887 г. // Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым, 1870–1894 // Толстовский музей / С предисл. и примеч. Б.Л. Модзалевского. – СПб: Изд. Об-ва Толст. музея, 1914. – Т. 2. – С. 353.

- ²⁰ Толстой – Страхову. 20 мая 1887 г. // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: В 90 т. – М.: Гос. Изд-во худож лит-ры, 1953. – Т. 64. – С.48–49.
- ²¹ Никольский Б.В. Н.Н. Страхов, критико-биографический очерк. – С. 39.
- ²² Там же. – С. 54.
- ²³ Там же. – С. 48. Ср.: в письме к Л.Н. Толстому от 8 декабря 1885 г. «Ужасно меня поразила смерть Н.Я. Данилевского. Я был тогда слегка болен, и с удивительной ясностью почувствовал ничтожество жизни... Сошло на меня спокойствие, которое стало наконец открывать мне новый, лучший взгляд на вещи. И пожелал я, чтобы оно навсегда у меня осталось, и с горем чувствую, что уходит оно, по мере возвращения здоровья и беспамятства, в котором мы всегда живем. Могила подходила ко мне близко, была у самых ног; а теперь я опять вижу ее далеко в тумане. Нет, напрасно люди жалуется на горести, когда так легко забывают уроки этих горестей и возвращаются к своим пакостям» // Переписка Л.Н.Толстого с Н.Н. Страховым, 1870–1894. – С. 328.
- ²⁴ Страхов – Толстому 5 ноября 1887 г. // Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым, 1870–1894. – С. 361.
- ²⁵ Страхов – Толстому 28 июня 1895 г. // Л.Н. Толстой – Н.Н. Страхов: полн. собр. переписки. – Т. 2. – С. 1011.
- ²⁶ «Какие мечтания! Люди заняты каждый своими мыслями и своими планами, и так трудно сходятся и в мыслях, и в характерах!» – Розанову 4 июля (16) 1893 г. // *Розанов В.В.* Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев. Указ. соч. – С. 125–126.
- ²⁷ Страхов – Толстому 29 июня 1893 г. // Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым, 1870–1894. – С. 443–444.
- ²⁸ *Фатеев В.А.* О жизни и мировоззрении Н.Н. Страхова. Выступление. «РУССКАЯ МЫСЛЬ»: Историко-методологический семинар в РХГА 27 ноября 2009 г.: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rchgi.spb.ru/science/sience_research/seminar_russian_philosophy/stenogramms/strakhov.php
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ *Розанов В.В.* Н.Н. Страхов. Его личность и деятельность. Предисловие // Розанов В.В. Литературные изгнанники. – СПб., 1913. – Т. 1. – С. X–XI.
- ³¹ Страхов – Аксакову 12 декабря 1884 г.: «...Так мало случаев сообщить свои мысли кому-нибудь разумеющему!» // И.С. Аксаков – Н.Н. Страхов: Переписка / Переписку сост. М.И. Щербакова. Группа славянских исследований при Оттавском университете и ИМЛИ им. А.М. Горького РАН. – Оттава; Квебек, 2007. – С. 119.

³² Розанов В.В. Примечание 2 к письму Страхова от 23 февраля 1893 г. // Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев. Указ. соч. – С. 120.

³³ Розанов В.В. О борьбе с Западом – в связи с литературною деятельностью одного из славянофилов // Розанов В.В. Литературные изгнанники. – СПб., 1913. – Т.1. – С. 51.

³⁴ Ильин Н.П. Трагедия русской философии. – М.: Айрис-пресс, 2008. – С. 59.

³⁵ Ильин Н.П. Трагедия русской философии: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.hrono.ru/statii/2005/ilin_moskvam.html

³⁶ Розениток-Хюсси О. Рабочие учат слишком мало, а учителя слишком много: Разгадка Августином загадки времени // Розениток-Хюсси О. Избранное: Язык рода человеческого. – М.; СПб: Университетская книга, 2000. – С. 61–62.

³⁷ Там же. – С. 60.

³⁸ Интересно, что Б.В. Никольский иначе обозначил несовременность Н.Н. Страхова: «...Страхов не был современником своего века... Его добросовестное, пытливое отношение к жизни и науке является теперь чуть ли не наивностью; но эта наивность и есть та самобытность, которая восхищает нас в характерах и умах древности, и которой мы сами так неуловимо лишились». Никольский Б.В. Н.Н. Страхов, критико-биографический очерк. – СПб., 1896. – С. 8.

³⁹ Страхову 22 января 1888 г. // Розанов В.В. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов, К.Н. Леонтьев. Указ. соч. – С. 145–146. См. также в письме, датированном приблизительно концом декабря 1889 г.: «Удивительна вообще наша связь с Вами, возникшая исключительно из чтения книг и ставшая такою прочною, продолжительною, полною интимности. Это может родиться только тогда, когда в книги действительно перелита жизнь писателя, его индивидуальное, его ни с кем и ни с чем не смешивающееся я». Там же. – С. 227. (Курсив автора.) См. также гипотезу Розанова о «духе разных генераций» как источнике и причине непонимания его текстов ровесниками Страхова в примечании 1913 г. – Там же. – С. 70.

⁴⁰ Страхову <после 19 июня 1888 г.>. – Там же. – С. 174.

⁴¹ Розанову 11 мая 1892 г. – Там же. – С. 109.